

УДК 811.161.1'42 : 001.8 +008

ДИНАМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОСТРАНСТВО В ЗЕРКАЛЕ ПУТЕШЕСТВИЙ¹

Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов

Тверской государственной университет
*кафедра русского языка с методикой начального обучения
научно-исследовательский Центр тверского краеведения и этнографии*

В статье исследуется феномен динамического текста русской культуры. Материалом его анализа выступает литература путешествий. Особое внимание уделено понятиям метрики, ритма и аритмии пространства. Сущность динамического текста культуры уясняется в сопоставлении его со статическим по характеру локальным текстом.

Ключевые слова: *Русская культура, литература путешествий, динамический текст, статический текст, локальный текст, метрика, ритм, аритмия пространства.*

Само по себе понятие текста, как оно сформировалось в структурно-семиотических исследованиях самых разных направлений, включает в качестве составляющих категории законченности и статичности. Представление о динамике текста принадлежит постструктуралистскому дискурсу и предполагает тотальную ревизию семиотико-структуральной статичности. Вследствие этого понятие *динамический текст* может быть истолковано двояко, в зависимости от того, в рамках какого направления мы строим рассуждение и свойством чего полагаем динамику.

Семиотико-структуральное истолкование текста как динамического исходит из того, что текст становится в процессе его созидания и восприятия. Иначе говоря, мы не разом видим и воспринимаем весь текст «Анны Карениной», а только постепенно, по мере чтения романа; мы не одновременно видим и воспринимаем всю дорогу от Петербурга в Москву, а только по мере передвижения из одного города в другой. При этом человек стремится максимально сократить время на развертывание текста пространства и даже аннулировать его, но это пока остается научно-фантастическим проектом. Сам же текст как таковой, вне воспринимающего его сознания, остается статичным, и динамика не имманентна ему, а обеспечивается лишь описывающим и воспринимающим его сознанием. Динамику пространству сообщает время, и такое пространство сродни тому, которое описывает геометрия Эвклида. Гетерохрония же как общий принцип бытия выступает условием возможной гармонизации пространства: по мысли А. А. Ухтомского, «увязка во времени, в скоростях, в ритмах действия», а

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта по подготовке научно-популярного издания «Русская культура в зеркале путешествий», проект № 13-44-93002к.

значит и в сроках выполнения отдельных элементов, образует, из пространственно разделенных групп «функционально определенный „центр“» [16, с. 181–182].

Постструктуралистское истолкование текста как динамического предполагает, что текст существует не сам по себе (*сам-для-себя*), но только в непосредственном контакте с неким внеположенным ему сознанием, что текст реализует себя только в процессе общения, диалога, поэтому динамика является имманентным свойством его. Иначе сказать, кочки и впадины сами по себе динамичны, и поэтому для адекватной репрезентации пространства необходима не статическая живопись, но динамический кинематограф. Такое пространство само по себе подвижно, потому что через две точки можно провести не одну, а несколько прямых, а сами по себе точки могут принадлежать не одной, а разным плоскостям. Такое пространство динамично само по себе, без участия времени, и такое пространство аналогично тому, которое описывает геометрия Лобачевского. Впрочем, пример такого динамического пространства подобрать сложнее. Примером такого пространства мог бы стать текст, автор которого намеревался бы из Твери ехать в Торжок, но оказался бы в Старице. Очень яркими примерами такого рода пространства являются путешествия, в которых автор искажает реальные пропорции и показывает далекое близким, а близкое далеким, располагает объекты в одной плоскости, тогда как они находятся на разных уровнях, и наоборот. Чаще всего такие искажения происходят в силу недоразумений, хотя они могут быть и продуктом сознательной творческой работы автора.

Очень важным приемом такой сознательной творческой работы автора с целью преодоления метричности культурного пространства является включение в текст путешествия разного рода зарисовок: пейзажа, портрета, интерьера. Неритмичное или ритмичное распределение их по тексту путешествия в равной степени свидетельствует о сознательности изменения пространства, поскольку картины природы, люди и помещения изображаются не потому, что они предостоят перед глазами, а потому, что это зачем-то необходимо автору. Включение такого рода описаний прекрасно демонстрирует, что реальное пространство в глазах самого путешественника является семантически бедным. Пространство требует структурирования и наполнения знаками. Более того, реальное пространство воспринимается как эмоционально бедное, поэтому для усиления эмоциональности путешествия используются вставные новеллы развлекательного характера. Иначе говоря, можно рассказывать о красоте гор и ущелий, по которым путешественник странствует четыре дня подряд, но это скоро надоедает; поэтому для увеличения эмоциональной нагрузки текста автор приводит историю несчастной любви, в результате которой герой (героиня) прыгнул(-а) со скалы в пропасть. Важным приемом динамизации пространства является торможение, к которому относятся этнографизмы, жанровые сцены из народной жизни и проч., наблюдения/размышления внешне непространственного характера, которые принято называть лирическими отступлениями. Внешне эти приемы ведут к обнулению пространства, но на самом деле их значение состоит в усилении переживания пространства. Это особенно очевидно, когда один и тот же фрагмент путешествия

характеризуется в тексте двумя разными способами. Упомянув количественные параметры того или иного отрезка пути, автор нередко замещает описание этого пространства внешне непространственным наблюдением:

«Завидово – ям, дающий лошадей на 26 верст до Клина.

Любитель музыки, который слышал лучших итальянских певцов и виртуозов, поверит ли, что иногда русские ямщики одно колено песни поют 30 верст, от одной станции до другой. Это случается тогда, как судьба определит ехать с удрученным горестью, бедностью и годами ямщиком, который, вспоминая молодечество и желая угодишь ездоку, начинает с трясущейся бодростью: “Э–эх! – да – харошо-о-ао-ао – любить – да – дружка – ми-и-и-ла-а-ава харашо – разумнава” – и вдруг, прервав песню, погоняет лошадей: ”Эй! ну ты слышишь ли!” – потом опять продолжаешь петь: ”Эх – да – хорошо любить... Эй вы родимые! – ну! ну! пашел!” Вот с какими вариациями продолжается во всю дорогу песня» (И. Ф. Глушков [4, с. 170]).

Подобный прием замещения позволяет понять пространственную сущность внешне непространственной характеристики. Песня ямщика здесь – это способ временного измерения того отрезка пути, который ранее измерен в верстах. Точно так же расстояние, которое преодолевает Онегин от Петербурга до своей наследственной деревни, измеряется у Пушкина временем повествования о детстве и юности героя, составляющим первую главу романа.

Наше противопоставление двух типов динамики текста необходимо дополнить противопоставлением локального текста как неизбежно статического. Существует целый ряд работ, посвященных локальному тексту, укажем только те из них, в которых отражена позиция авторов и участников проекта [9; 10; 14] и текст путешествия как неизбежно динамического [7; 8; 15]. Локальный текст включает в себя перечень, набор, каталог деталей, с точки зрения автохтона тяготеющих к однородности: «Что за город – всё горы и горы» (к/ф «Карнавал», реж. Т. Лиознова, 1982). Начать это перечисление можно с любого объекта, поэтому для описания локального текста наиболее адекватной является форма словаря. Каждая отдельная словарная статья оказывается моментальным снимком места, а в совокупности своей они представляют серию таких моментальных снимков, позволяющих воссоздать морфологию пространства и ее временные изменения. Элементы локального текста в описаниях примыкают другу к другу, но не перетекают друг в друга, как будто разделены непроходимыми границами.

Текст путешествия можно представить в качестве цепочки локальных текстов, но гораздо важнее, что путешествие фиксирует системно-синтаксические связи между этими локальными текстами. Эти системно-синтаксические связи в путешествии могут быть разных типов. Во-первых, это отношения, которые условно можно назвать отношениями сочинительного типа, как, например, аксиологическая равноценность районных центров при их громадном социальном различии в отдельных случаях. Во-вторых, это отношения подчинительного типа, и сюда относятся оппозиции столица/провинция, центр/периферия, мейнстрим/маргинальность, причем и здесь возможны нарушения и отступления от общего правила типа Вашингтон/Нью-Йорк. В-третьих, это отношения, аналогичные отношениям

означаемого и означающего: реальное существование и условность границ, их реальные устойчивость и подвижность и способы преодоления, перетекание культуры одного локального текста в другой; примером этого может служить сопоставление человеческих типов, как Хорь и Калиныч, занятий и промыслов, говоров, костюмов, обычаев.

Развитие литературы путешествий в таком случае следовало бы представить как движение от суммы локальных текстов, связанных между собой морфологическими, парадигматическими отношениями, когда каждому локусу, городу соответствует отдельная глава, а все они построены по одному типу и между ними нет никакого текста-пространства (например, Путешествие Екатерины II [11, с. 134–138]) к созданию сложноподчиненного синтаксиса природного и культурного пространства и многомерной системы ориентиров, когда путешественник видит не только статичную картину локуса, но и всё время меняет позицию в процессе движения: позади/впереди, слева/справа, далеко/близко, высокий/низкий рельеф или горизонт, однородность/неоднородность (путешествия Ф. Н. Глинки [3, с. 171–240] и И. Белова [1, с. 288–323]). В результате, отражая взгляд со стороны в динамике смены ракурсов, литература путешествий выявляет исторически меняющиеся семантику и аксиологическую значимость локальных объектов – те их характеристики, которые неочевидны в локальном тексте, с его статичной по сути оптикой.

Совокупность локальных текстов создает впечатление метрической упорядоченности пространства, но не дает представления о его ритмической специфике, если брать эти понятия в значениях, аналогичных школьной метрике. Ритмическая специфика культурного пространства выявляется только в тексте путешествий. Причем природное пространство и пространство первично окультуренное всегда аритмичны, а чередование равных, однородных, изоморфных элементов всегда оказывается признаком вторичного окультуривания пространства, которое неизбежно противопоставлено первичному, естественному его заселению. При этом адекватные реальным потребностям проекты постоянно соседствуют с неадекватными. Таково, например, регулярное расстояние не более 35 верст между станциями во время гужевой тяги и проект размещения городов-станций по утвержденному Екатериной II плану-сетке.

Аритмия культурного пространства очень часто оказывается предопределена аритмией природного пространства: чередованием возвышенностей и низменностей, суши и воды, особенностями рисунка рельефа, речных русел, очертаний водоемов, пиков гор, спецификой местной фауны и флоры: «Торопец виден уже в 19 верстах расстоянием; но должно объезжать многие озера и болота прежде достижения сего города. Он лежит при реке Торопе, впадающей в Двину. Озеро, Соломино называемое, находится близ города вправо» (В. М. Севергин [13, с. 147]).

Если культурное пространство строго метрично, оно представляется или бездушным, или не одушевленным присутствием человека: «Дорога из Москвы в Петербург тянется 500 миль почти прямой линией, проложенной сквозь леса, и крайне утомительна: по обеим сторонам дороги лес вырублен на

40 – 50 шагов, и весь путь проходит через бесконечный лес, изредка прерываемый деревнями и небольшими обработанными полями. <...>

Деревни, встречающиеся на этом пути, очень похожи друг на друга. Они состоят из одной улицы с деревянными избами, кирпичные дома очень редки» (У. Кокс [5, с. 98, 99]).

Попадая в метрическое пространство, путешественник начинает испытывать скуку: «Ни огня, ни черной хаты, // Глушь и снег.... Навстречу мне // Только версты полосаты // Попадаются одне...» [12, с. 42]

Если же культурное пространство воспринимается как ритмичное, а всё бытовое как неорганизованное, то путешественник естественно концентрируется на переживании многочисленных физических и физиологических неудобств. Если всё оказывается проблемой: и перемена лошадей, и удовлетворение потребности в отдыхе/сне, и удовлетворение голода, – то путешественник уже не испытывает радости путешествия: «Когда мы отправлялись 1-го апреля из Москвы, то из дворца дали нам знать, что так как крестьяне на большой дороге чрезвычайно обессилены и отягчены, то чтобы мы ехали другою дорогою, взяв несколько правее, по направлению на Ладожское озеро. Эта дорога в зимнее время для проезда довольно удобна; но так как на пути нас застигла ростепель и мы должны были переправляться через двадцать и более рек, на которых не было ни мостов, ни паромов, так что мы сами принуждены были устраивать последние, и так как, с другой стороны, крестьяне в этих местах никогда не видывали подобных нам путешественников и, завидя нас, бежали от нас с детьми и лошадьми своими в леса, то это было наитруднейшее из путешествий, какие когда-либо совершал я, и бывшие между нами некоторые странствующие господа, изъездившие целые две части света, говорили, что они не помнят, чтобы переносили когда-либо такую бездну неприятностей и лишений, какие вынесли они на этой дороге» (Ф. Х. Вебер [2, с. 56]);

«Несказанное множество саней, беспрестанно переезжающих по снежной дороге, делают по обеим ее сторонам ухабы или ямы, и если сани в них попадут или когда надобно будет из них выезжать, тогда повозка получает такие удары, которые, уверяю вас, могут проломить и самую крепкую голову. Меня вываливали два раза. Из этих случаев я узнала, что кучера привыкли к таким скачкам. Они тотчас проворно слезают с лошади, поднимают и оправливают повозку, а никогда не спрашивают, не ушибся ли путешественник» (Э. Кравен [6, с. 98]).

Напротив того, если культурное пространство организовано ритмично, то путешественник переживает свое продвижение по маршруту как успешное и легкое, комфортное: «Из <Вышнего Волочка> выехал в 9 часов и, <сделав> 35 верст, прибыл в час в Выдропуск, где не мог остановиться в царском доме, ибо за день до того он сгорел. Отправился оттуда далее в 3 ч. утра. <...>

27-го. <Сделав> 35 верст, прибыл в 8 часов утра в город Торжок, где был 6 ям. <...>

Выехал я из <Торжка> в 9 ч. и, <сделав> 34 версты, прибыл в 3 часа пополудни в Медное, <где> меня снова ввели в царский дом. Покормив <лошадей>, выехал из <Медного> в 4 часа и, <сделав> 27 верст, прибыл вечером в Тверь.

Тверь – большой город с маленькою крепостью; стоит на Волге. Здесь был 7 ям. <...>

28-го, <проехав> 32 версты, прибыл в 7 часов утра в Goretzin <Городня>, затем 30 верст, достиг в полдень Завидова, а в 5 часов вечера, 28 верст, приехал в Клин. Здесь был 8 ям. Таким образом, сделал 90 верст в 14 часов, причем еще три часа прокормил лошадей. Из <Клина> я тронулся в 6 ч. вечера и, <сделав> 45 верст, прибыл в полночь в Чашниково; оттуда, покормив, поехал в 2 часа далее и <наконец, сделав> 37 верст, прибыл наутро в Москву» (Ю. Юль [17, с. 43–46]);

«На протяжении всей дороги находится 24 почтовые станции, или яма, как русские их называют, на расстоянии 4 или 5 миль одна от другой, и на каждой станции стоят 20 и более почтовых лошадей, содержимых особыми, приставленными для того крестьянами, кои, получая ничтожные почтовые деньги с проезжающих, освобождаются от всех других повинностей и служат только для провоза проезжающих» (Ф. Х. Вебер [2, с. 51]).

Проблема аритмии культурного пространства существует всегда, но ее можно обнулить, если правильно собраться в путешествие и должным образом его организовать: «В это мое путешествие из Петербурга в Москву я сделал следующие наблюдения. О собственных домах царя, построенных по его приказу у ямов и между ямами, где приходится кормить, я уже говорил. Меня постоянно помещали в эти дома; там же, где их не было, пристав, всегда ехавший с несколькими солдатами впереди, занимал силою дом, который ему больше нравился, приводил его к моему приезду в порядок, топил, выгонял из него <хозяев> и вполне завладевал всем, что там было; ибо здесь нет гостиниц, в которых можно бы за <известную> плату кормить лошадей или останавливаться. В случае поломки саней или сбруи солдаты силою отымали у крестьян всё, что было нужно, так что мне ни о чем не приходилось заботиться. В России крестьяне повсюду так привыкли к подобным <порядкам> и так боятся солдат, что охотно, без прекословий, готовы отдать добровольно всё, лишь бы избежать их побоев и неблагодарности» (Ю. Юль [17, с. 47]);

«Без удобства саней, употребляемых в России, иностранцу невозможно было бы вынести в дороге сильные морозы. Сани сверху и кругом крепко закрыты и укутаны, так что ни малейший ветер не может проникнуть в них, а по обеим сторонам вделываются маленькие оконца и сумки или карманы для книг, ради препровождения времени, и для съестных припасов; вверху над головою висит фонарь с восковою свечою, которую зажигают с наступлением ночи. В самых санях внутри стелется постель, в которой и лежишь день и ночь во время пути, а в ногах кладутся нагретые каменные плиты или медные фляги с горячей водой, чтобы теплее было в санях; около фляг ставится ларец с вином и водкою, для предохранения этих напитков от мороза, хотя, впрочем, при всех предосторожностях, самые горячие напитки замерзают и обращаются в лед. В такой спальне едут день и ночь, не выходя из саней, разве за надобностью, тем более что по всей дороге нет ни гостиниц, ни съестных припасов, которые бы можно было купить, кроме черствого простого хлеба и предурной водки, так что всегда следует держать при себе в санях свой холодный обед» (Ф. Х. Вебер [2, с. 50–51]).

Таким образом, новизна нашего проекта заключается в том, что он обращен к комплексному исследованию русской культуры в единстве всех ее динамических факторов: пространственных, временных, аксиологических, психологических. Для решения поставленной задачи в проекте используется методология культурного пространствования. Эффективным инструментом пространствоведческого анализа национальной культуры мы считаем путешествие – целенаправленное перемещение человека в пространстве, активизирующее межличностные, социальные, межрегиональные и межкультурные коммуникации.

Список литературы

1. Белов, И. 1848 [Текст] / И. Белов // Тверь в записках путешественников XVI – XIX веков ; изд. подг. Е. Г. Милогиной, М. В. Строгановым. – Тверь : Книжный клуб, 2012. – С. 288–323.
2. Вебер, Ф. Х. 1716, 1718 [Текст] / Ф. Х. Вебер // Тверь в записках путешественников XVI – XIX веков ; изд. подг. Е. Г. Милогиной, М. В. Строгановым. – Тверь : Книжный клуб, 2012. – С. 50–56.
3. Глинка, Ф. Н. 1811 [Текст] / Ф. Н. Глинка // Тверь в записках путешественников XVI – XIX веков ; изд. подг. Е. Г. Милогиной, М. В. Строгановым. – Тверь : Книжный клуб, 2012. – С. 171–240.
4. Глушков, И. Ф. 1801 [Текст] / И. Ф. Глушков // Тверь в записках путешественников XVI – XIX веков ; изд. подг. Е. Г. Милогиной, М. В. Строгановым. – Тверь : Книжный клуб, 2012. – С. 145–170.
5. Кокс, У. 1778 [Текст] / У. Кокс // Тверь в записках путешественников XVI–XIX веков ; изд. подг. Е. Г. Милогиной, М. В. Строгановым. – Тверь : Книжный клуб, 2012. – С. 88–106.
6. Кравен, Э. 1786 [Текст] / Э. Кравен // Тверь в записках путешественников XVI – XIX веков ; изд. подг. Е. Г. Милогиной, М. В. Строгановым. – Тверь : Книжный клуб, 2012. – С. 98–100.
7. Милогина, Е. Г., Строганов М. В. От составителей [Текст] / Е. Г. Милогина, М. В. Строганов // В зеркале путешествий : м-лы междунар. науч. конф., 14–17 сент. 2012 г. – Тверь : СФК-офис, 2012. – С. 6–12.
8. Милогина, Е. Г., Строганов М. В. Принципы изучения «тверских» тревелогов XVI – XX веков [Текст] / Е. Г. Милогина, М. В. Строганов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2011. – № 18. – Вып. 3. – С. 37–43.
9. Милогина, Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты из словаря «Русская провинция» [Электронный ресурс] / Е. Г. Милогина, М. В. Строганов // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – Электрон. журн. – 2012. – № 2. – С. 42–60. – Режим доступа: <http://journal-labirint.com/>. – Дата обращения: 01.03.2013. – Загл. с экрана.
10. Милогина, Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты из словаря «Русская провинция». Ч. 2 [Электронный ресурс] / Е. Г. Милогина, М. В. Строганов // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – Электрон. журн. – 2012. – № 3. – С. 33–74. – Режим доступа: <http://journal-labirint.com/>. – Дата обращения: 01.03.2013. – Загл. с экрана.
11. Путешествие Екатерины II. 1786 [Текст] // Тверь в записках путешественников XVI – XIX веков ; изд. подг. Е. Г. Милогиной, М. В. Строгановым. – Тверь : Книжный клуб, 2012. – С. 134–138.

12. Пушкин, А. С. Зимняя дорога [Текст] / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 3. – Кн. 1. – С. 42–43.
13. Севергин, В. М. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оные в 1803 г. [Текст] / В. М. Севергин. – СПб. : Имп. АН, 1804. – VIII + 168 с.
14. Строганов, М. В. Литературное краеведение [Текст] / М. В. Строганов. – 2-е изд., доп. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2009. – 196 с. : ил.
15. Тверь в записках путешественников XVI – XIX веков [Текст] ; изд. подг. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. – Тверь : Книжный клуб, 2012. – 416 с. : ил. + 16 с. цв. ил.
16. Ухтомский, А. А. Доминанта [Текст] / А. А. Ухтомский. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 272 с.
17. Юль, Ю. 1709, 1710, 1711 [Текст] / Ю. Юль // Тверь в записках путешественников XVI – XIX вв. ; изд. подг. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. – Тверь : Книжный клуб, 2012. – С. 42–49.

THE DYNAMIC TEXT OF RUSSIAN CULTURE: SPACE IN THE TRAVELS' MIRROR

E. G. Milugina, M. V. Stroganov

Tver State University

The department of Russian language with the methods of primary education

The research center of Tver's local history and ethnography

This article examines the dynamic text of Russian culture. The material for its analysis is the travel literature. Special attention is paid to issues of spatial metrics, rhythm and arrhythmia. The essence of a dynamic cultural text makes clear in comparison it with a static local text.

Keywords: *Russian culture, travel literature, dynamic text, static text, local text, spatial metrics, rhythm, arrhythmia.*

Об авторах:

МИЛЮГИНА Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка с методикой начального обучения Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: elena.milyugina@rambler.ru

СТРОГАНОВ Михаил Викторович – доктор филологических наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра тверского краеведения и этнографии Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: mistro@rambler.ru